

Проблема соотношения мифа, понимаемого в самом широком смысле, и литературы долгое время находилась в центре внимания гуманитарной науки XX века. Она породила обилие разнородных, иногда взаимоисключающих подходов, представленных в работах А.Ф. Лосева, Н. Фрая, Р. Барта, Ю.М. Лотмана и др. В то же время материалом для подобных исследований почти никогда не становился один из самых «живущих» европейских мифов – легенда о Наполеоне. В историографии тема разработана очень подробно – создано множество жизнеописаний Бонапарта, воспоминаний о нем: тенденциозно-оценочных и беспристрастных очерков его политической деятельности. Однако следует помнить, что все те суждения, клише, анекдоты, которыми насыщен этот род словесности, были выработаны в лоне художественной литературы еще в XIX столетии. Кажется, до сих пор не существовало комплексного литературоведческого исследования, посвященного зарождению, бытованию и трансформации наполеоновского мифа в трех литературах, для стран которых Наполеон Бонапарт является судьбоносной исторической фигурой, – французской, польской и русской. Эту цель, манящую и труднодостижимую одновременно, преследует рецензируемая монография С.В. Гончар.

Анализом генезиса и развертывания в художественной литературе наполеоновской легенды эвристическая ценность работы не ограничивается. Первая глава, в двух начальных разделах которой разъясняются основные используемые в работе категории и демонстрируется механизм мифологизации исторического лица, помогает более четко определить демаркационную линию между мифологическим текстом, историографическим источником и собственно художественным произведением (в частности историческим романом), смешение которых наблюдается во многих литературоведческих трудах конца XX – начала XXI века на схожую тематику. С.В. Гончар характеризует исторический роман как «среду функционирования мифа выдающейся исторической личности» [1, с. 7], что, с одной стороны, определяет характер взаимодействия различных типов письменного высказывания, с другой – обосновывает выбор произведений, анализ которых в исследовании занимает центральное положение: «Красное и черное»,

«Пармская обитель», «Люсъен Левен» Стендalia, «Пепел» С. Жеромского, «Война и мир» Л.Н. Толстого. Во втором разделе с опорой на теорию А. Цуладзе приводится перечень основных элементов политического мифа, «концептов» или «сущностей», в терминологии Р. Барта. Этот своеобразный глоссарий позволяет в дальнейшем структурировать анализ художественных произведений, выделять в них ключевые для избранной темы места.

В последующих главах анализируется специфика бытования наполеоновской легенды в национальных литературах Франции, Польши и России. В сопоставительных работах зачастую равновесие между разнородными литературами выдерживается с трудом, в монографии же С.В. Гончар ни одной из них не отдается неоправданного предпочтения, все структурные части сбалансированы. К сожалению, это не является свидетельством одинаково хорошего знания исследовательницей французской, польской и русской литературы.

Вторая глава работы «Наполеон и Франция: рождение легенды» естественным образом требует глубокой и доскональной подготовки, поскольку миф зародился и приобрел субстанциональные черты на французской почве. И именно этому структурному элементу глубины и доскональности недостает. В первом разделе главы речь идет о «Реляциях Великой Армии», важном для оформления легенды историческом документе, подвергвшемся личной цензуре императора, но совершенно не упоминается его единственное художественное произведение, роман «Клиссон и Эжен» (ок. 1800). Его главный герой имеет слишком много общего с самим автором, чтобы его просто проигнорировать. Пусть роман не является шедевром французской романтической прозы, однако он несомненно имел приоритетное значение для создания романтизированного образа Наполеона – отважного военачальника, верного соратника, пылкого любовника. Главный герой, дважды преданный возлюбленной и другом, намеренно бросается под вражеские пули. Эта концовка произвела на французское общество своего времени эффект, сродни вертеровскому. Как замечает один из авторов «Истории красоты» Д. де Микеле, «Наполеон, став императором, будет вынужден издать декрет против самоубийств на почве страсти, именно таких, на которых он обрек своего Клиссона» [2, с. 304]. Очевидно, что пренебрежение таким значительным текстом существенно обедняет исследование.

Во втором и третьем разделе второй главы рассматриваются основные литературные источники, подпитывавшие наполеоновскую легенду – романтическая поэзия А. де Ламартина, О. Барбье, В. Гюго. Ключевую роль С.В. Гончар справедливо отводит, наравне с «Красным и черным» и «Пармской обителью», книге Стендalia «Жизнь Наполеона», которую она называет «первым оформленным вариантом наполеоновского апологетического мифа» [1, с. 43]. Общее положительное впечатление от вдумчивого и подробного анализа текстов портят некоторые фактические неточности, в особенности удивляет ошибочное именование Стендalia *Фредериком*. Анри-Мари Бейль, также создавший о себе богатый миф, использовавший около сотни псевдонимов, насколько нам известно, никогда не называл себя «Фредерик Стендаль» и уж тем более не подписывал так свои романы [1, с. 46 – 54].

Третья глава, посвященная польскому варианту наполеоновского мифа, разработана более обстоятельно. Она показывает его в динамике – от социально-исторических и политических условий становления культа Наполеона, утверждения в творчестве А. Мицкевича веры в мессианское предназначение французского императора до его «опосредованного развенчания» в романе С. Жеромского «Пепел». Последнее произведение представляется С.В. Гончар амбивалентным: несмотря на осознание ошибочности того выбора, который сделала Польша, поверив французскому императору, национальное самосознание Молодой Польши рубежа XIX – XX веков вынужденно возвращается к старому мифу. С нашей точки зрения, эта особенность четко выражена в художественном портрете Наполеона в «Пепле». В романе нигде не явлена отрицательная авторская позиция, оценка образа Бонапарта демонстративно отдана на откуп читателю, который может увидеть в нем как великого полководца, «отца народов», так и «недоступного и великого в своей недосягаемости» индивидуалиста.

Наполеоновский миф в русской литературе, в отличие от польской, имеет исключительно негативную окраску – таков общий смысловой посыл четвертой главы. В то же время С.В. Гончар не упрощает отношение русских писателей к завоевателю, демонстрируя эволюцию художественных высказываний. Если патриотический пафос произведений Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, однозначен, то образ Наполеона у А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева сложен и противоречив. Бонапарт представлен как романтический герой, титаническая фигура, и в то же время дается новый, реалистический взгляд на него как на типичного представителя поднимающейся западноевропейской буржуазии, мелочной и pragmatичной. Эта точка зрения целиком воплощена в романе «Война и мир» Л.Н. Толстого, анализу которого отдан второй раздел четвертой главы. С.В. Гончар раскрывает постепенное преодоление притягательности наполеоновского мифа в частности и мифа выдающейся исторической личности вообще у Толстого – последний этап в эволюции легенды в XIX столетии.

Несмотря на общую непротиворечивость выводов и последовательность оценок, работа С.В. Гончар вызывает вопрос концептуального характера. Что в литературоведческом исследовании понимать под

мифом, в данном случае под мифом Наполеона? Автор монографии говорит о «мифе романтическом» и «мифе антибонапартистском» [1, с. 83], третьей, объективной, надо признать, не существующей в художественном мире Стендоля, Жеромского, Толстого точки зрения не дано. Но что же тогда в литературе не миф? Таким образом, мы приходим к определению Р. Барта: «Миф – это слово» («Le mythe est une parole») [3, с. 181], дающему замечательное истолкование «сущностям», т.е. константам человеческого мировоззрения и мироотражения, но совершенно нефункциональному для исторического измерения понятия. Вообще кажется, что позиция мифолога, предложенная Бартом, не вполне удовлетворяет С.В. Гончар, чему косвенным подтверждением служит единственное упоминание имени французского семиолога в монографии. Но тем наущнее задача сформулировать собственные исследовательские принципы. В первой главе С.В. Гончар говорит о «классическом» мифе, однако не оговаривает подробно его отличия от «мифа исторической личности». Отсутствие ясности в отношении понятия «миф» несколько умаляет те достижения первой главы, о которых было сказано выше, но никак не снижает значимости монографии в целом, первой в отечественном литературоведении работы, выполненной в перспективном русле истории идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончар, С.В. Миф Наполеона во французской, польской и русской литературах XIX века / С.В. Гончар; под общ. ред. С.Ф. Мусиенко. – Гродно, 2008. – 127 с.
2. История Красоты / под ред. У. Эко; пер. с итал. А.А. Сабашниковой. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2005. – 440 с.
3. Barthes, R. Mythologies / R. Barthes. – Paris: Seuil, 1970. – 238 р.

*Д.А. КОНДАКОВ, кандидат филологических наук
(Полоцкий государственный университет)*